

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

УДК 316; 37.014



**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СФЕРЫ И РОСТА
СОЦИАЛЬНОГО
НЕРАВЕНСТВА**

Верещагина Анна Владимировна

Доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: anrietta25@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

Доктор социологических наук, профессор,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: serq1952@mail.ru

Имгрунт Светлана Ивановна

Кандидат социологических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп,
e-mail: sveddy@mail.ru

**INTELLECTUAL
SECURITY OF RUSSIA
IN TERMS OF SCIENCE
AND EDUCATION CRISIS
AND GROWTH
OF SOCIAL
INEQUALITY**

Vereshchagina Anna V.

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: anrietta25@mail.ru

Samygin Sergei I.

Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Rostov State
Economic University,
Rostov-on-Don,
e-mail: serq1952@mail.ru

Imgrunt Svetlana I.

Candidate of Sociological Sciences,
Associate, Adygei State University,
Maykop,
e-mail: sveddy@mail.ru

Статья посвящена проблеме рисков и угроз интеллектуальной безопасности России, которые связаны с рядом негативных факторов, прежде всего в сфере науки и образования.

The article is devoted to the problem of risks and threats to intellectual safety of Russia which are connected with a number of negative factors, first of all, in the sphere of science and ed-

Кризисный характер функционирования российской науки, снижение уровня и качества высшего образования в результате непродуманной политики реформирования системы образования, высокие темпы интеллектуальной миграции в сочетании с ростом социального неравенства в стране становятся важнейшими факторами, способствующими снижению и деградации российского интеллектуального потенциала. В данной ситуации концептуальные проекты и программы, принятые российским правительством за последние годы и направленные на инновационное развитие российского общества и рост социально-экономического благополучия, выглядят не более чем декларативные заявления, а сама ситуация в сфере интеллектуального развития российского общества может быть оценена с позиций культурной, научной и образовательной деволюции.

Ключевые слова: интеллектуальная безопасность, социальное неравенство, наука, образование, национальная безопасность, социальная безопасность, интеллектуальный потенциал, интеллектуальная миграция.

ucation. Crisis nature of functioning of Russian science, the decrease of the level and quality of higher education as a result of unreasoned policy of education system reforming, high rates of intellectual migration in combination with the growth of a social inequality in the country becomes the major factors promoting the decrease and degradation of Russian intellectual potential. In this situation the conceptual projects and the programs adopted by the Russian government in recent years and aimed at the innovative development of Russian society and growth of social and economic wellbeing look no more, than a declarative statements, and the situation in the sphere of intellectual development of Russian society can be accessed from the position of a cultural, scientific and educational devolution.

Keywords: intellectual safety, social inequality, science, education, national security, social safety, intellectual potential, intellectual migration.

Проблема интеллектуальной безопасности России в последние десятилетия активно обсуждается в научной среде [1], и это обусловлено реальными тенденциями снижения качества образования, кризисом науки и высокой динамикой интеллектуальной миграции [2], в которой наиболее активное участие принимает молодежь, не имеющая возможности эффективной профессиональной и трудовой самореализации в своем Отечестве.

Масштабы интеллектуальной миграции приобретают угрожающий для России характер, так как среди покидающих страну, если ориентироваться на данные специалистов, 39 % составляют молодые люди с высшим образованием, в том числе 8 % из них – ученые [3, с. 60]. Реальные масштабы миграции усугубляются ростом миграционных установок в молодежной среде. Ученые отмечают, что в случае, если бы миграционные установки молодых россиян совпали с возможностями выезда за границу для реализации профессионально-трудовых потребностей, интеллектуальный урон, который понесла бы Россия, был бы значительно выше [4, с. 87]. В результате высоких темпов интеллектуальной миграции, прежде всего за счет молодого поколения, Россия несет очень серьезные потери не только интеллектуального, но

и финансового характера, так как покидают страну самые активные, инновационно и креативно ориентированные выпускники вузов, для которых ситуация переезда за границу стала реальной ввиду имеющегося у них семейного капитала в виде социально-профессионального статуса родителей [5, с. 36].

Потери интеллектуального потенциала сочетаются с невысокой ориентированностью российской системы образования на инновации и креативность. Вместе с тем, как отмечает Ю.Г. Волков, креативность является высшей целью образования, результатом которого должна стать деятельность, основанная на социально-инновационной проективности и производстве новых идей [6, с. 5]. Креативное образование в России на данный момент следует рассматривать скорее в проективном ключе, так как происходящее в научно-образовательном пространстве нашей страны пока не позволяет позитивно оценивать перспективы развития отечественной науки и образования.

Инновационный и креативный характер развития российского образования связывается учеными с переходом к познавательно-развивающей парадигме, в рамках которой формируется такой тип личностной культуры в процессе образования, который позволяет ей адаптироваться к высоким темпам социокультурной динамики посредством ее изменения [7, с. 132]. Иными словами, речь идет о реализации личностью ее креативного потенциала, формирование которого возможно только в условиях единства образования и культуры как базовых оснований познавательно-развивающей парадигмы, ориентированной на формирование культуротворящего субъекта [8, с. 126].

Таким образом, можно констатировать, что интеллектуальная безопасность России находится под угрозой, формирующейся в результате снижения инновационного, креативного и в целом образовательного потенциала общества. Являясь системным элементом социальной безопасности общества [9], интеллектуальная безопасность может быть определена как такое состояние социальной системы, которое характеризуется ее способностью к устойчивому воспроизводству интеллектуального потенциала общества и его продуктивному использованию в пространстве данного социума в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях.

В современной России на протяжении всего постсоветского периода наблюдается процесс социального расслоения по типу социальной поляризации, в результате чего несправедливо организованное социальное неравенство стало определять характер функционирования базовых социальных институтов, в том числе и институтов науки и образо-

вания. Сегодня высшее образование в России совершенно справедливо интерпретируется учеными как институт воспроизводства социального неравенства [10], и, несмотря на введение ЕГЭ, призванного уравнивать шансы молодежи в доступе к получению образования, указанная функциональная специфика высшего образования продолжает укрепляться, и по-прежнему значительная часть молодежи не имеет доступа к качественному образованию по причинам материального характера.

Сегодня стало совершенно очевидно, что реформирование российского образования в русле перехода к Болонской системе ознаменовало развал всей системы образования в России, но созданная вместо нее система образования не отвечает уровню ни европейской, ни разрушенной советской. У российской высшей школы, как пишет Р. Вахитов, другая анатомия, настолько отличная от анатомии западных университетов, что сама идея реформирования ее методами и технологиями западного типа изначально была обречена на неудачу [11]. Само российское общество не было подготовлено к переходу к Болонской системе образования, которая формировалась на Западе в русле гражданской и правовой культуры на основе специфических европейских ценностей индивидуализма, самостоятельности, независимости, конкуренции, высокой мобильности, активности, критичности, инициативности, а потому те выпускники российской высшей школы, которые прониклись этими ценностями в ходе образования, не находят применения этим качествам в российской реальности и вынуждены мигрировать за границу.

Не стоит прилагать особых усилий для обоснования сложившейся в России системы социального неравенства, в которой острое ощущение социальной несправедливости испытывает значительная часть граждан страны, не имеющих возможности для удовлетворения самых важных жизненных потребностей, связанных с развитием человеческого капитала. Более половины россиян, если отталкиваться от данных Института социологии РАН, находится в состоянии бедности и малообеспеченности [12, с. 326], а в ситуации нового социально-экономического кризиса экономическое благополучие россиян стало еще более неустойчивым, а для многих и критичным [13, с. 37–38]. В итоге образование, особенно в престижных российских вузах, становится уделом обеспеченной молодежи, а система образования в своей основе воспроизводит сложившуюся матрицу социального неравенства, так как превратилась в сферу услуг и функционирует в формате тенденций, задаваемых рыночной конъюнктурой.

В условиях рыночного общества, в котором государство произвольно абстрагировалось от социальной сферы, отдав все на откуп стихийным силам рынка, динамично набирает темп кризис российской науки, которая оказалась в ситуации социального неравенства с точки зрения выделяемых на нее средств из госбюджета и уделяемого со стороны государства внимания с точки зрения конструктивного решения накопившихся проблем.

Сегодня принято оценивать эффективность научной сферы и ученых как ее субъектов с позиций опубликованных научных трудов и их рейтинговых позиций, хотя мы убеждены в том, что эта система оценки весьма и весьма условна и не может считаться объективной для всех случаев и ситуаций. Но тем не менее именно так оценивается на современный день научный потенциал каждого государства, и по заключению экспертов международной группы Thomson Reuters, участвующей в создании одного из трех мировых рейтингов университетов Times Higher Education, «в 2003 году российские ученые опубликовали 25 573 научные работы в международных научных журналах. В 2012 году их количество выросло на 4 % и составило 26 503 статьи. При этом общее количество научных работ в мире за этот период выросло на 50 %. В итоге доля российских научных работ в базе Web of Science за девять лет упала с 3 % до 2,1 % от общего числа. За это время доля работ ученых Китая увеличилась с 5,6 % до 14 %. США также демонстрируют падение с 33 % до 27,8 %, но при этом они уступают лишь ученым объединенного Европейского союза (35,5 % научных работ). Российские научные работы, которые все-таки оказались в базе данных Web of Science, практически не замечаются зарубежными учеными – в 2012 году цитируемость российских работ была на 19 % ниже среднемировых показателей» [14].

Конечно же, не только эти показатели определяют кризис российской науки – это лишь фиксируемый в цифрах результат утраты продуктивности отечественного научного сообщества, которая, в свою очередь, вызвана целым рядом факторов. В первую очередь речь идет о хроническом недофинансировании российской науки и научных исследований. Другой причиной является постоянное реформирование российской науки, не имеющее ни внятной программы, ни видимого позитивного эффекта. Реформирование производится, как правило, без учета мнения самого научного сообщества, которое не имеет никаких механизмов воздействия на принятие государственных решений.

Характеризуя проблему финансирования российской науки, В. Захаров (доктор физико-математических наук, академик РАН, лау-

реат Государственных премий СССР (1987) и России (1993), а также медали имени Дирака; в 1992–2003 гг. директор Института теоретической физики имени Ландау) в 2009 г. писал: «Бюджет Академии наук, со всеми ее двумястами научно-исследовательскими институтами и центрами, архивами и библиотеками, составляет один миллиард долларов в год. Научных сотрудников, состоящих в академических институтах, – пятьдесят пять тысяч, а общее число людей, финансируемых из бюджета академии, более ста тысяч. Один миллиард в год – это бюджет хорошего американского университета. Лишь часть этой суммы (от 1/5 до 1/3) покрывается за счет платы студентов за обучение и грантов, добываемых профессорами, остальная часть бюджета – средства штата, в котором находится университет (если университет государственный), или доходы от благотворительного фонда (если университет частный). В университете около трех тысяч преподавателей – профессоров трех уровней и лекторов. А таких университетов в США – более сотни» [15].

Сегодня ситуация еще более тяжелая. Постоянные реформы, цель которых неясна ни научному сообществу, ни обществу в целом, приводят к постоянной дестабилизации деятельности ученых, лишают их возможности спокойной планомерной работы, добавляя к проблеме недофинансирования проблемы организационные. Недостаток финансирования и постоянные реформы ради реформ, растущий административный произвол ведут к пресловутой утечке мозгов, с одной стороны, и вымыванию кадров из науки вообще, поскольку заниматься наукой в российских условиях становится не просто трудным, но практически невозможным делом.

Ярким примером разрушительного реформирования науки является и реформирование РАН. О необходимости реформирования этой структуры много лет говорили сами ученые. Однако предложенный в 2013 г. проект реформы предполагал практическое упразднение РАН и других академий и превращение их в некий клуб ученых, не имеющий ни финансовой базы, ни управленческих функций. Этот проект вызвал мощный негативный отклик в научном сообществе, и президент РФ на время приостановил его реализацию, рекомендуя внести поправки. Однако осенью 2013 г. закон о РАН был принят в окончательной редакции. Объединенная академия сохраняла экспертные функции и руководство научных исследований, но руководство всеми научно-исследовательскими институтами передавалось другой структуре – ФАНО. Сразу же возник вопрос – каким образом можно осуществлять руководство исследованиями, не имея доступа к финансированию и

механизмам административного управления. В то же время вопросы государственной политики в области науки остаются в ведении третьей структуры – Министерства образования и науки, в задачи которого входит создание нормативной базы для ФАНО. Но значительная часть средств на финансирование науки изымалась у министерства и передавалась еще одной структуре – Российскому научному фонду. В результате структура управления наукой оказалась размытой и сосредоточенной в руках разных бюрократических ведомств, отношения между которыми оказываются конкурентными. Большинство экспертов, относящихся к научному сообществу, смотрели на перспективы такого управления весьма пессимистично.

После реального вступления ФАНО в управленческую деятельность в 2015 г. начались увольнения директоров институтов (без согласования с академией) и процессы «слияния» институтов, хорошо известные из практики слияния институтов высшего образования. Слияние зачастую противоречило элементарной логике, поскольку объединялись совершенно различные по направленности учреждения.

Дальнейшим шагом по «реформированию» оказалось принятие документов, которые должны были якобы способствовать росту продуктивности российских ученых, – проекта распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период» и проекта ведомственного приказа «Об утверждении методических рекомендаций по распределению субсидий, предоставляемых федеральным государственным учреждениям, выполняющим государственные работы в сфере научно-исследовательской и научно-технической деятельности». Оценивая второй документ, эксперты РАН пришли к выводу, что он позволит обеспечить финансирование не более 30 % научных сотрудников [16, с. 46]. Таким образом, условием его выполнения является сокращение числа научных кадров в три раза. Каким образом сокращенное в несколько раз научное сообщество будет обеспечивать рост продуктивности исследований, остается неясным. С другой стороны, этот же документ предусматривает, что 50 % финансирования научные институты должны будут получать по конкурсу. Это означает исчезновение тех институтов, которые по каким-то причинам конкурсу пройти не смогут.

Что касается первого из названных документов, то эксперты отмечают его изначальную внутреннюю противоречивость: «...по мнению экспертов из Общества научных работников, абсолютно взаимоисключающими выглядят планы, по которым увеличить число публи-

каций в Web of Science за пять лет нужно будет на 31 %, а финансирование исследований, по итогам которых эти самые публикации появятся, предполагает увеличение на 16 % за те же самые пять лет. С учетом инфляции это означает, что денег станет меньше, а хороших результатов должно стать на одну треть больше. Опыт реформы науки соседнего Китая показывает, что добиться резкого и масштабного увеличения качественных публикаций можно, только увеличивая финансирование на исследования в разы. Так, Китай с 1999 года каждый год тратил на исследования и разработки на 20 % больше. Например, с 2007 по 2011 год сумма увеличилась с 102 млрд долларов до 180 млрд. В итоге китайские ученые сейчас занимают второе место в мире по публикациям, за десять лет увеличив их в 7 раз. В России же за те же 5 лет, с 2007 по 2011 год, расходы на науку увеличивались с 26 млрд долларов до 33 млрд, что просто позволяет поддерживать примерно одинаковый уровень публикаций в районе 32–33 тысяч публикаций в год» [16, с. 46].

Таким образом, даже беглое знакомство с процессом реформирования отечественной науки показывает, что единственным очевидным результатом этого реформирования оказывается дальнейшее сокращение числа исследователей и ограничение финансирования науки, притом что Россия и так утрачивает свои научные позиции в мире. Подобное реформирование наносит непоправимый ущерб интеллектуальной и национальной безопасности российского общества, толкает страну к отставанию, к замедлению темпов научно-технического, а значит, экономического развития, многократно усиливает технологическую и идейную зависимость российского общества от стран – лидеров мирового развития.

В условиях реструктуризации постсоветской экономики и периодических экономических кризисов возможности государства финансировать науку снижаются по вполне объективным причинам. Однако в условиях недостатка средств их можно было бы использовать более рационально. Ведь сам по себе процесс реформирования и реструктуризации научной и образовательной сфер требует весьма значительных финансовых затрат, притом что позитивного эффекта этого постоянного реформирования, к сожалению, не наблюдается. В ряду сомнительных в плане результата, но весьма затратных попыток реформирования следует назвать и сопровождавшееся шумной пропагандистской и рекламной кампанией создание инновационных центров, наиболее известным из которых является «Сколково». Этот проект должен был способствовать подъему российской науки, а также укреплению меж-

дународных научных связей, привлечению иностранных ученых к работе в России и улучшению имиджа страны за рубежом. Однако после окончания президентского срока Д. Медведева, при котором проект был запущен, у «Сколково» начались проблемы финансового, административного и даже правового характера. Реальные же научные достижения этого инновационного центра сомнительны, что косвенно подтверждается сообщениями о возможности свертывания этого проекта или слияния его с родственными проектами (Роснано и др.), озвученными вице-премьером А. Дворковичем в январе 2016 г. Проблемы «Сколково» во многом были предопределены общей проблемой российской науки – качеством управления, которое не может быть компенсировано даже относительно высоким финансированием.

Кризис российской науки не является лишь внутренней проблемой самого научного сообщества. В современных развитых обществах наука является одним из базовых социальных институтов. Успешное развитие науки обеспечивает не только развитие современных высокотехнологичных областей экономики, соответствующее место в глобальном разделении труда, благосостояние общества и достойный уровень жизни граждан. Развитие науки обеспечивает качество жизни – достаточно упомянуть сферу здравоохранения, современный уровень которой недостижим без соответствующей научной базы. Но наука способствует также и поддержанию определенного уровня культурного и цивилизационного развития общества.

Если необходимость поддержания естественных и технических наук в России еще как-то осознается обществом и государством, то положение гуманитарных наук в этом плане весьма плачевно. Они воспринимаются как некое излишество, притом что именно гуманитарные науки отвечают в первую очередь за поддержание надлежащего уровня национальной культуры, осмысление культурной и социальной проблематики. Без гуманитарных наук невозможны формирование и поддержание культурной и национальной идентичности, гуманизация общественных отношений, преодоление предрассудков и негативных стереотипов, являющихся питательной средой для социальных конфликтов, вплоть до самых острых. Гуманитарные науки обеспечивают постоянную рациональную рефлексию социальных и культурных проблем, стоящих перед современными обществами. Без рациональной аналитики, экспертизы, основанной на достижениях общественных и гуманитарных наук, общество скатывается к архаическим формам мышления, что мы зачастую и наблюдаем в современной России. На фоне падения общественного влияния науки в России расцветают

различные формы суеверий, мифов и специфическое лженаучное мошенничество, причем мошенники проникают во все слои общества, добираясь и до верхних этажей властей, что подтверждает, например, известная история с сомнительными изобретениями А. Петрика [17].

Лженаучные и псевдонаучные идеи существуют сегодня практически во всех обществах, но проблема не в их существовании, а в размахе и масштабе. В развитом обществе подобные практики занимают соответствующее маргинальное положение, но в обществе, где перестают работать механизмы научной экспертизы, где научное сообщество постоянно сокращается и теряет авторитет, для распространения лженауки не существует преград. В условиях сложной высокотехнологичной современной цивилизации рост влияния антинаучных и псевдонаучных идей несет реальную угрозу интеллектуальной и социальной безопасности общества.

Лженаучные идеи могут затрагивать сферу как точных, так и гуманитарных и общественных наук, при этом, вопреки распространенным убеждениям, «гуманитарная лженаука» может быть не менее опасной, чем мошенничество в сфере точных наук. Попытки оттеснения гуманитарного знания, профессиональных историков и обществоведов от задачи формирования национальной идентичности и передача этой функции в руки религиозных организаций или сомнительных идеологов чреваты сползанием массового сознания в сферу мифа, а исторический опыт недавнего прошлого наглядно демонстрирует, к чему это может привести. Проникновение конспирологических теорий и лжеисторических построений в сферу государственной идеологии и пропаганды, превращение подобных конструкций в инструмент объяснения реальности на самом высшем уровне несут непосредственную угрозу национальной безопасности и способны спровоцировать даже международные конфликты.

Институты современного общества базируются на рационалистической культуре, а главным носителем мировоззрения и практики рационализма является научное знание. Соответственно, падение влияния науки означает в конечном итоге разложение современной культуры вообще [18].

В самом широком смысле гуманитарное знание отвечает за формирование личности в современном обществе, поскольку функция эта во многом возложена на образовательные институты, а гуманитарное знание, в отличие от естественно-научного и технического, имеет дело именно с человеком, его проблемами, его средой обитания – культурой. Проблемы образования неразрывно связаны с проблемами науки. Вы-

дающиеся достижения в научной области в современных условиях возможны только тогда, когда существует обширная научная среда, достаточно широкие слои населения, которые способны не только пополнить научные кадры, но и осознать ценность науки и освоить ее достижения. Решение этой масштабной задачи невозможно без массового образования. Образование не только служит фундаментом для развития науки. Оно также является тем каналом, через который научное мировоззрение и научное знание проникают в общество. Без посредничества образования наука превращается в деятельность изолированных энтузиастов, не способную значимо влиять на общество, постепенно погружающееся в элементарное невежество. Результаты социологических опросов последних лет явно демонстрируют эту тенденцию.

Государственная политика последних лет, направленная на борьбу с «неэффективными вузами» и вузовскими филиалами, дальнейшую коммерциализацию образования (при сохранении жесткого бюрократического контроля над образовательными учреждениями), в перспективе способна привести к тому, что высшее образование будет становиться все менее доступным, что небольшие города окажутся лишенными тех вузов, которыми они располагают сейчас. А именно этим угрожает утвержденная Правительством РФ в декабре Концепция образования, рассчитанная на период 2016–2020 гг. [19], в которой четко обозначен курс на сокращение значительного количества вузов в России (по итогам ее реализации должно быть упразднено до 40 % государственных вузов и до 80 % филиалов). О социальных последствиях реализации концепции можно догадываться с высокой степенью уверенности: рынок труда пополнится безработными, составлявшими интеллектуальный потенциал высшей школы, и молодежью, чьи образовательные потребности и стратегии окажутся нереализованными. В жестких рыночных условиях оставшаяся без высшего образования молодежь вряд ли будет востребована на рынке труда в ситуации так и не восстановленной после распада СССР промышленной и производственной инфраструктуры, что станет источником очередной волны молодежной девиации и социальной напряженности.

Критерий поверхностной «эффективности» при оценке вузов и стремление к снижению расходов исключают осознание того факта, что провинциальные вузы являются проводниками культуры в своих регионах, способствуют повышению образовательного и культурного уровня населения. Государство совершенно не учитывает эту общекультурную и гуманизирующую функцию образования, проводя политику, способствующую культурной деградации, разрушению культур-

ной среды и образовательного потенциала регионов страны, что не может не представлять угрозы интеллектуальной безопасности России.

Можно всецело согласиться с В. Захаровым, который пишет следующее: «Первым следствием угасания науки, ухода из российской действительности профессионалов, занятых наукой ради науки, будет упадок образования. Он уже очень заметен, у нас появились неграмотные подростки. Некоторые источники называют цифру в два миллиона, что, скорее всего, журналистское преувеличение, но вот факт: на факультете журналистики МГУ в октябре этого года 82 % первокурсников не справились с диктантом, совершив от восьми до восьмидесяти ошибок в тексте. С упадком образования придется распрощаться с надеждой развивать у себя новые технологии: для этого нужны высококвалифицированные кадры. Более того, даже поддержание уже имеющейся технически сложной инфраструктуры станет проблемой, и техногенные катастрофы, вроде той, что случилась на Саяно-Шушенской ГЭС, станут обыденным делом» [15].

Таким образом, под лозунгами совершенствования и повышения эффективности науки и образования в российском обществе в последние годы осуществляется политика, ведущая к сокращению интеллектуального потенциала нации. Не существует ни одного опубликованного для широкой аудитории документа, где демонстрировались бы достижения многолетнего реформирования образования и науки. Напротив, представители образовательного и научного сообщества на протяжении многих лет непрерывно говорят о вреде, наносимом бездумным реформированием отечественным науке и образованию, о снижении уровня подготовки выпускников школ и вузов. Однако ожидаемого резонанса опасения российских ученых относительно культурной, научной и образовательной деволюции общества так и не получили. На государственном управленческом уровне по-прежнему ничего не предпринимается для того, чтобы остановить разрушительные процессы в сфере культуры, науки и образования.

Литература

1. Дубровин И.Р., Дубровин Е.Р. Интеллектуальная безопасность. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=220> (дата обращения: 10.03.2016).
2. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–35.

References

1. Dubrovin I.R., Dubrovin E.R. Intellectual'naya bezopasnost'. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=220> (data obrashheniya: 10.03.2016).
2. Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E. Emigraciya uchenyh iz Rossii: «cirkulyaciya» ili «utechka» umov // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 4. S. 24–35.

3. *Луценко Н.О.* «Утечка мозгов»: тенденции и меры по преодолению // *Власть*. 2013. № 8. С. 58–60.
4. *Уколов Р.А.* Трудовая социализация молодежи в условиях трансформации трудовых ценностей в российском обществе. Ростов н/Д., 2014. 118 с.
5. *Дергунова Н.В., Лукичева Л.Ю.* Образовательный капитал как фактор эмиграции выпускников российских провинциальных вузов (на примере Ульяновского государственного университета) // *Власть*. 2014. № 12. С. 35–39.
6. *Волков Ю.Г.* Российское образование: креативный потенциал. Ростов н/Д., 2011. 28 с.
7. *Герасимов Г.И.* Познавательноразвивающая парадигма: инновационное измерение трансформации образования // *Гуманитарий Юга России*. 2013. № 4. С. 117–134.
8. *Герасимов Г.И., Лубский А.В.* Диалог о парадигмальном подходе в образовании // *Гуманитарий Юга России*. 2014. № 1. С. 119–137.
9. *Самыгин С.И., Степанов О.В.* Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 11. С. 54–59.
10. *Беляева Л.А.* Образование в России и модернизация экономики (по результатам европейского социального исследования) // *Новое в социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко*. М., 2013. С. 377–396.
11. *Вахитов Р.* Болонский процесс в России. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/bolonskiy-process-v-rossii> (дата обращения: 10.03.2016).
12. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011. 672 с.
13. *Горшков М.К.* Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015. 336 с.
14. Российскую науку признали недоразвитой // *Коммерсант*. 2014. 12 апр. URL: <http://kommersant.ru/doc/2451540> (дата обращения: 09.03.2016).
3. *Lucenko N.O.* «Utechka mozgov»: tendencii i mery po preodoleniyu // *Vlast'*. 2013. № 8. S. 58–60.
4. *Ukolov R.A.* Trudovaya socializaciya molodezhi v usloviyah transformacii trudovyh cennostey v rossiyskom obschestve. Rostov n/D., 2014. 118 s.
5. *Dergunova N.V., Lukicheva L.Yu.* Obrazovatel'nyy kapital kak faktor emigracii vypusknikov rossiyskih provincial'nyh vuzov (na primere Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta) // *Vlast'*. 2014. № 12. S. 35–39.
6. *Volkov Yu.G.* Rossiyskoe obrazovanie: kreativniy potencial. Rostov n/D., 2011. 28 s.
7. *Gerasimov G.I.* Poznavatel'norazvivayuschaya paradigma: innovacionnoe izmereniye transformacii obrazovaniya // *Gumanitariy Yuga Rossii*. 2013. № 4. S. 117–134.
8. *Gerasimov G.I., Lubskiy A.V.* Dialog o paradigmal'nom podhode v obrazovanii // *Gumanitariy Yuga Rossii*. 2014. № 1. S. 119–137.
9. *Samygin S.I., Stepanov O.V.* Social'naya bezopasnost' v sisteme social'no-gumanitarnogo znaniya o bezopasnosti // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2014. № 11. S. 54–59.
10. *Belyaeva L.A.* Obrazovanie v Rossii i modernizaciya ekonomiki (po rezul'tatam evropeyskogo social'nogo issledovaniya) // *Novoe v sociologii / отв. red. Zh.T. Toschenko*. M., 2013. S. 377–396.
11. *Vahitov R.* Bolonskiy process v Rossii. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/bolonskiy-process-v-rossii> (data obrashheniya: 10.03.2016).
12. *Gorshkov M.K.* Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki). M., 2011. 672 s.
13. *Gorshkov M.K.* Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya / pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova. M., 2015. 336 s.
14. Rossiyskuyu nauku priznali nedorazvitoy // *Kommersant*. 2014. 12 apr. URL: <http://kommersant.ru/doc/2451540> (data obrashheniya: 09.03.2016)

15. *Захаров В.* Наука в России и современном мире // *Континент*. 2010. № 143. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2010/143/za12.html> (дата обращения: 09.03.2016).

16. *Орлова О.* Праздник усекновения головы. Реформа РАН // В защиту науки. Бюллетень № 16. М., 2015. С. 43–49.

17. *Уайт Г.Л.* У изобретателя Петрика есть друзья в Кремле, но за пределами Кремля – в основном скептики // *The Wall Street Journal*. URL: <http://www.inopressa.ru/article/05Mar2010/wsj/petrik.html> (дата обращения: 09.03.2016).

18. *Воденко К.В.* Наука в современном обществе: социальные и экзистенциальные причины кризиса рационализма и пути его преодоления // *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 9. С. 10–15.

19. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р.

15. *Zaharov V.* Nauka v Rossii i sovremennom mire // *Kontinent*. 2010. № 143. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2010/143/za12.html> (data obrasheniya: 09.03.2016).

16. *Orlova O.* Prazdnik useknoveniya golovy. Reforma RAN // V zaschitu nauki. Byulleten' № 16. M., 2015. S. 43–49.

17. *Wite G.L.* U izobretatelya Petrika est' druz'ya v Kremle, no za predelami Kremlya – v osnovnom skeptiki // *The Wall Street Journal*. URL: <http://www.inopressa.ru/article/05Mar2010/wsj/petrik.html> (data obrasheniya: 09.03.2016).

18. *Vodenko K.V.* Nauka v sovremennom obshchestve: social'nye i jekzistencial'nye prichiny krizisa racionalizma i puti ego preodolenija // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2010. № 9. S. 10–15.

19. *Koncepciya Federal'noy celevoy programmy razvitiya obrazovaniya na 2016-2020 gody : utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federacii ot 29 dekabrya 2014 g. № 2765-r.*